

Д.А. Самсонов

История формирования и характеристика корейского иллюстративного фонда Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого

С тех пор как в парижской лаборатории французского художника Луи Жака Манде Дагера в 30-х годах XIX в. были получены первые опытные образцы «серебряных картин», прототипов нынешних фотографий, фиксация окружающей действительности с помощью светописи стала одним из постоянных спутников человеческой жизни.

С момента появления фотография молниеносно проложила себе дорогу во все сферы деятельности человека. Фотография привлекала быстротой, точностью и, самое важное, объективностью изображения. Именно это позволило ей мгновенно стать ведущим средством документирования. Запечатлев однажды отрезок жизни длиной в десятую долю секунды, фотография способна пронести его сквозь годы, сокрыть от гибели, передать последующим поколениям. Одним словом, стать источником для получения информации о прошлом. Основная притягательность фотографии как источника таится в ее стопроцентной правдивости.

За свою по историческим меркам не очень длинную, но все же более чем полуторавековую историю фотография смогла сохранить и донести до нас бесчисленное количество самых разнообразных событий. Иногда получается так, что фотография, сделанная на память о каком-то событии из личной жизни фотографа, спустя годы приобретает дополнительную ценность. Однако ценность ее не всегда измеряется деньгами. В силу своей правдивости фотография помогает оживить события, которые считались ушедшими безвозвратно.

В свете вышесказанного интересно обратиться к фотографическому прошлому Кореи. Как известно, после открытия страны в 80-х годах XIX в. на Корею устремили свои взоры многие государства. С этого времени заметно возросло число иностранцев, прибывавших из западных стран. Помимо своих путевых заметок и воспоминаний они оставили зарисовки, фотографии о жизни в Корее, тогда еще неизвестной для бóльшего числа иностранцев, а потому казавшейся загадочной.

В фондах российских музеев хранится не один десяток фотографий по Корее. Среди большого числа иллюстративных коллекций по странам Азии в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) имеется немало материала, посвященного Корее. В больших картонных коробках зеленого цвета, удобно расположившихся в деревянных шкафах кабинета № 208 отдела Восточной и Юго-восточной Азии первого музея России, можно отыскать иллюстративные материалы самого разного характера.

Как известно, корейские иллюстративные собрания в МАЭ начали формироваться уже в последней четверти XIX в. и с тех пор постепенно пополняются вот уже больше ста лет. Фотографии представляют собой один из надежных этнографических источников: на них зафиксированы уже ушедшие предметы традиционной культуры Кореи, на их основе можно проследить процессы формирования и трансформации народной культуры, превращение инноваций в традиции и т.д.

В число иллюстративных фондов входят не только фотографии, но и почтовые открытки с видами Сеула и элементами традиционного быта. Самые ранние коллекции датируются второй половиной XIX в. Благодаря авторам этих фотографий нам предоставляется возможность взглянуть на самые разные стороны традиционной корейской жизни (от королевских дворцовых покоев до мастерской ремесленника далекой северной провинции). Кроме того, некоторые фотографии иллюстрируют жизнь корейских переселенцев, перешедших на территорию российского Дальнего Востока во второй половине XIX в. В Советское время иллюстративные коллекции МАЭ пополнились материалами из КНДР, предоставленными как гражданами страны, так и советскими специалистами, проживавшими в этой стране. Также в Музее хранится много материалов, посвященных жизни и повседневному быту корейцев, проживающих в Центральной Азии (Узбекистан, Казахстан). Эти коллекции были собраны в ходе этнографических экспедиций, в которых участвовала Ю.В. Ионова (1924–2009), не один десяток лет проработавшая в МАЭ специалистом по Корее.

На мой взгляд, из хранящихся в фондах Кунсткамеры фотоматериалов наибольший интерес представляют фотографии, созданные на рубеже веков. Как известно период с 80-х годов XIX в. по первое десятилетие XX в. — один из наиболее интересных, противоречивых, динамичных периодов в истории Кореи. Любая дополнительная информация по этому периоду всегда будет представлять большой интерес. Именно поэтому эта статья будет посвящена главным образом материалам, собранным в Корее в конце XIX в. Материалы по жизни и быту корейцев Средней Азии в рамках статьи рассматриваться не будут.

Основная информация по описываемым коллекциям представлена в сводной таблице 1.

Широко известно, что фотоматериалы смело можно назвать уникальным разноплановым историческим источником. Порой при изучении старинных фотографий на первый план выходит исследование не столько самого содержания снимка, сколько история его создания, коллекционирования. Ведь иногда для того, чтобы определить героев, изображенных на снимке, опровергает или подтверждает тот или иной исторический факт данная фотография, необходимо понять когда и зачем она делалась, кем собиралась. Основная за-

Таблица 1

Список иллюстративных коллекций по Корее

№	Номер коллекции	Дата поступления	Собиратель	Примечания
1	162	1886	И.С. Поляков	смешанная
2	1073	1906	Я.И. Трусевич	смешанная
3	1679	1893	К.И. Вебер	
4	1695	до 1888	—	смешанная
5	2513	1914	С.В. Гейман	открытки
6	2685	1918	Н.И. Конрад	смешанная, открытки
7	И-762	1937	З.Н. Матвеев	смешанная, открытки
8	И-1518	1953	А.И. Курдюков	
9	И-1521	1940	С.Н. Сыромятников	
10	И-1737	1955	То Ю Хо	
11	И-2042	из старых поступлений	С.П. Кишенский	

дача статьи — краткое описание фотоколлекций, истории их собирания, а также того исторического контекста, когда снимались эти фотографии.

На данном этапе исследовательской работы наиболее достижимая цель не поиск ответов на конкретные вопросы, а определение круга вопросов, которые можно изучать с помощью фотографий, хранящихся в фондах Кунсткамеры.

Основную ценность этих собраний составляют три коллекции, повествующие о Корее конца XIX в. Это коллекция № 1679, собранная К.И. Вебером, первым поверенным в делах Кореи, коллекция № 1521, составленная С.Н. Сыромятниковым и переданная в Музей его зятем в 1940 г., и коллекция № И-2042, собранная в отдельный альбом. Именно на истории собирания этих коллекций мы и остановимся более подробно, а об истории собирания остальных коллекций скажем лишь несколько слов.

Начать хотелось бы с самых первых поступлений в корейский иллюстративный фонд Кунсткамеры. Отметим, что в 80-е годы XIX в. правительство Российской империи прилагало грандиозные усилия по исследованию Дальневосточных окраин государства и близлежащих стран. Велись систематические исследования флоры и фауны региона, народов, населявших бескрайние просторы Приморского края.

Огромный вклад в исследование восточных пространств нашей страны внес Иван Сергеевич Поляков (1845–1887). С его именем связано и поступление первых четырех фотографий, на которых изображены корейцы.

И.С. Поляков, известный зоолог, антрополог и этнограф, родился в небольшой казачьей станице на реке Аргунь. С малых лет обнаружил блестящие способности к познанию окружающей действительности. В 1863 г. он познакомился с членами Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, которые позже, в 1866 г., рекомендовали Полякова в качестве натуралиста-препаратора и собирателя гербария в экспедицию по

Нерчинскому округу. Далее Поляков совершает путешествие на лодке по Северо-Западному берегу Байкала, затем, сухим путем, на Тунку, откуда пробрался в отроги Восточного Саяна. Позже Поляков переезжает в Петербург, где в 1874 г. оканчивает университет с дипломом кандидата естественных наук.

Будучи студентом, он совершил в 1871 г., по поручению Географического Общества, поездку на восточный берег Онежского озера для зоогеографических работ. Летом 1873 г. Поляковым была предпринята экспедиция в восточную часть Олонецкой губернии, где им были собраны сведения о быте местного населения. Летом 1874 г. им были исследованы верховья Волги. В 1879 же году Академия наук командировала его в некоторые местности Европейской России, особенно по Оке, Волге и Уралу. Был Поляков и на Кавказе в 1880 г. В апреле 1881 г. он был командирован на о-в Сахалин для зоологических и антропологических исследований. Побывав кроме Сахалина в Японии, Поляков вернулся оттуда в феврале 1885 г. В это время упорная болезнь, следствие злоупотребления спиртными напитками, особенно сильно овладела им, и у него отнялись ноги, руки и плохо работала голова. Полечившись в Москве, он вернулся в Петербург почти здоровый, но ему были запрещены научные занятия и употребление вина. Однако он не был в состоянии удержаться от своей пагубной страсти, и ранней весной 1887 г. слег в постель, был отправлен в больницу, где и умер от хронического воспаления печени 5-го апреля 1887 г.

Именно в 1886 г., после возвращения из Японии, Поляковым в МАЭ была передана большая коллекция иллюстративных материалов, зарегистрированных под номером 162. Большинство фотографий посвящены путешествию Полякова по Японии. Несколько позже из этой коллекции были выделены четыре фотографии, на которых изображены корейцы. Однако на данный момент достоверной информации о том, сам ли Поляков делал эти снимки или же приобретал их у местного населения в Японии или на Сахалине, нет. Сведения о фотографиях, имеющиеся в документах, носят описательный характер и скорее всего были сделаны уже регистратором в 1908 г., а не самим дарителем. Тем не менее существует мнение, еще не подтвержденное документально, что фотографии № 162-362 и № 162-363 (CD, рис. 1) были сделаны в корейских поселениях Приморского края в России.

Как начальный период российско-корейских отношений не может рассматриваться без упоминаний о первом русском поверенном в делах Кореи Карле Ивановиче Вебере, так же и формирование самостоятельного корейского фонда в МАЭ связано с именем этого выдающегося человека.

В 1893 г. Музеем была куплена одна из самых ценных коллекций № 227. Чтобы приобрести ее, хранитель Музея Руссов специально ездил в город Дерпт (ныне Таллин, Эстония). Там в отпуске находился К.И. Вебер. В приобретенную коллекцию входили предметы, собранные им в ходе раскопок в Сеуле, проведенных на месте, где строилось здание русской миссии. Некоторые предметы были куплены у населения, некоторые получены в качестве подарков. Тогда в Музей попала и коллекция фотографий № 1679.

К сожалению, подробное описание фотографий, составленное самим К.И. Вебером, в МАЭ отсутствует. Первая опись была составлена только лишь в 1910 г., спустя 17 лет после поступления коллекции. Регистрация была про-

ведена работником музея К. Щепниковым. Согласно имеющейся описи, коллекция насчитывает семнадцать единиц хранения.

Все входящие в коллекцию фотографии — на белом паспарту, имеют разный размер. Под каждой из них сделаны подписи черными чернилами. Считается, что фотографии были наклеены на паспарту и подписаны несколько позже, чем они были получены и зарегистрированы. Об этом свидетельствует пропускающий коллекционный номер 227, написанный на обратной стороне. Три фотографии имеют в правом нижнем углу небольшую квадратную печать красного цвета, расшифровать которую пока не представляется возможным.

В имеющихся документах никакой датировки фотографий не приводится. Однако, опираясь на широко известные факты, можно определить, когда фотографии были сделаны. Известно, что в июле 1882 г., будучи российским консулом в г. Тяньцзине, К.И. Вебер был командирован в Сеул для выяснения условий подписания российско-корейского договора. Как я уже упоминал, коллекция была приобретена в 1893 г., когда Вебер находился в отпуске в своем имении в Эстонии, куда он отправился из Сеула в 1891 г. Таким образом, снимки могли появиться на свет в период с 1882 по 1891 г. Фотографическая коллекция К.И. Вебера является иллюстрацией к первым годам активизации отношений между Россией и Кореей.

Широко известно, что «корейский вопрос» в 80–90-х годах XIX в. занимал особое место во внешней политике Российской империи. В то время Россия была одним из самых активных участников событий, происходивших в Корее. Безусловно, по долгу службы К.И. Вебер находился в самом центре разворачивавшихся тогда событий и был не просто участником, а одним из активных «творцов» новой истории Кореи. Этому способствовал и тот факт, что король Кочжон всегда верил в поддержку России в деле развития Кореи и с особой симпатией относился к поверенному в делах К.И. Веберу. Материалы из отчета подполковника Генерального штаба Ф. Вебеля (1855–1919), посетившего Сеул в 1889 г., свидетельствуют об этом. «Отношения нашего Поверенного в делах (в Сеуле) к Королю носят, по-видимому, характер взаимного расположения. В течение четырехлетнего пребывания <...> Вебера в Сеуле молодой Король имел время привыкнуть к нему более, чем к кому-либо из представителей других держав, которые очень часто менялись» [Пак 2004: 17].

Благодаря тому, что у Вебера сложились такие теплые и доверительные отношения с корейским двором, он смог привести действительно уникальные фотографии.

Условно коллекцию можно разделить на три группы: дипломатическая миссия (6 фотографий), дворец Кёнбоккун (경복궁(景福宮)), (3 фото), виды Сеула (8 фото).

На фотографиях мы можем увидеть, как выбиралось место и строилось здание русской миссии в Сеуле. Руины русской миссии до сих пор находятся в Сеуле и зарегистрированы в качестве «Исторического объекта местного значения № 253» (서울특별시 중구 정동(貞洞). 사적 제253 호) (CD, рис. 2). Историческое значение здания русской миссии трудно переоценить. Именно там укрылся король Кочжон в 1896 г., после того как осенью 1895 г. японцы совершили нападение на дворец и убили королеву Мин. Он пробыл на территории миссии около года. Фотографий русской миссии в исследовательской литературе встречается немало. Однако, насколько нам известно, материалов по за-

кладке первого камня и строительству не так много. Серия фотографий иллюстрирует весь процесс строительства русской миссии. С этой точки зрения данные фотографии являются еще и полезным материалом для исследования вопросов по истории Сеула и современной архитектуры в Корее. В тот период на территории Корейского полуострова было воздвигнуто всего несколько каменных зданий, и многие не дожили до наших дней. В связи с этим можно говорить об особой ценности этих материалов.

Кроме того, в коллекции хранится фотография с надписью: «Канцелярия миссии в Сеуле» (CD, рис. 3). Рискнем предположить, что этот снимок мог быть сделан еще до того, как началось строительство основного здания миссии, но после подписания договора в 1884 г. Таким образом, в нашем распоряжении оказывается интересный фотофакт о первых шагах работы дипломатической службы России в Корее. На фотографии — небольшой одноэтажный дом с традиционной черепичной крышей с загнутыми вверх концами, но с кирпичными стенами, застекленными окнами и только одной входной дверью. Несмотря на внешнее сходство с традиционным корейским *ханом*, внешний вид этого дома несколько отличается от традиционного корейского. Очевидно, этот дом был перестроен на европейский лад. Однако для подтверждения выдвинутой версии необходимо обращение к архивным материалам, посвященным первым годам работы миссии.

В фотографиях Вебера перед нами предстает дворец Кёнбоккун, еще не оскверненный преступным убийством японцами королевы Мин. Именно королева была одним из наиболее активных сторонников отношений России и Кореи. Она верила в то, что активные контакты с Россией помогут ее стране в скором времени разрешить клубок проблем, в котором она оказалась, и это принесет позитивные плоды в развитии Кореи. Она настойчиво противостояла японскому влиянию в Корее, что не могло не сказаться на негативном отношении к ней значительной части корейского двора, поддерживавшей отношения с Японией. Ценой прорусской ориентации стала жизнь королевы.

На фотографии Вебера (№ 1679-9) (CD, рис. 4) очень живописно выглядит круглый павильон Хянвончжон (향원정 香遠亭) на острове. При сравнении с современным видом этого павильона можно найти много отличий. Основное из них — внешний вид и расположение мостика к островку. Во времена Вебера мостик был направлен на северную сторону и был дугообразным, а сейчас мостик прямой и смотрит на юг. По мнению некоторых специалистов, направление моста было изменено японцами в начале XX в.

Третья группа фотографий посвящена Сеулу. Шесть отдельных снимков образуют полную панораму Сеула. На них перед нами предстает Сеул конца XIX в. Причем фотографии не только охватывают центральную, дворцовую, часть города, но и включают отдаленные районы. Вместе с тем горный ландшафт, окружающий Сеул, очень хорошо определяется. Благодаря этим снимкам мы можем увидеть расположение столицы в ландшафте и при тщательном рассмотрении планировку города. Широко известно, что после японской аннексии город подвергся серьезной перепланировке, поэтому в дальнейшем при изучении истории Сеула содержание этих снимков может оказаться весьма полезным.

Тематика фотографий из коллекции Вебера весьма ограничена. На них мы видим только здание русской миссии и различные этапы его строительства,

виды дворца Кёнбоккун, общий план Сеула и несколько пейзажей. Однако сама фигура собирателя, его роль в формировании истории Кореи нового времени указывают на то, что эти фотографии обладают определенной исторической значимостью, и позволяют надеяться, что исследование этих материалов будет продолжаться.

Если коллекция Вебера иллюстрирует первый этап российско-корейских отношений, то материалы, о которых речь пойдет ниже, относятся к наиболее интенсивному периоду двухсторонних взаимоотношений.

В МАЭ хранятся несколько коллекций, собирателем которых значится С.Н. Сыромятников. Они были приобретены музеем в 1940 г. у т-ща И.К. Собоневского, зятя С.Н. Сыромятникова. Среди них есть и иллюстративная коллекция И-1521. Всего в коллекции насчитывается 39 фотографий. Фотографии среднего размера наклеены на синий паспарту, а крупноформатные снимки — на красном. Одна фотография на белом паспарту, и одна — без паспарту.

Из текста краткой биографии, опубликованной в первой русской энциклопедии «Брокгауза и Эфрона» в 1907 г. мы узнаем, что С.Н. Сыромятников (1864—1933) — талантливый публицист, историк, востоковед и филолог, свободно владевший многими европейскими языками и несколькими восточными. Он впервые познакомил русскую читающую публику в своих переводах с древнеисландскими сагами, поэзией французских символистов, японскими средневековыми хрониками, произведениями китайских и индийских писателей. Также там сказано, что Сыромятников публиковался под псевдонимом Сигма в крупных петербургских газетах «Новое время» и «Санкт-Петербургские ведомости». Из энциклопедии мы узнаем, что в 1897 г. он принял участие в посольстве кн. Ухтомского и посетил Китай и другие страны Дальнего Востока.

Князь Э.Э. Ухтомский был известным в России ценителем культуры Востока. Он неоднократно участвовал в посольствах на Дальний Восток, в том числе и в 1891 г., сопровождая будущего императора Николая II в его кругосветном девятимесячном путешествии. Считается, что именно с этого момента началась серьезная политическая карьера князя. Отношение к нему современников было неоднозначным. Многие ценили его знания и увлеченность Востоком, но вместе с тем порой отмечали его непоследовательность и даже неаккуратность в ведении дел государственной важности. Несмотря на это, в истории России он остался как один из активных дипломатов, осуществлявших посредническую деятельность в русско-тибетских и особенно русско-китайских делах. Посольство в Китай 1897 г., возглавляемое Э.Э. Ухтомским, было предпринято в качестве ответа на посольство 1896 г. во главе с фактическим министром иностранных дел Китая Ли Хун-чжаном (1823—1901). Тогда Ли Хун-чжан отправился в Санкт-Петербург на секретную встречу с тогда еще цесаревичем Николаем Александровичем.

Китаю была обещана военная помощь против Японии, для чего предполагалось построить железную дорогу к одному из портов на Желтом море. На подписание договора в Пекине и был направлен Ухтомский. Хочется отметить, что с первой половины XIX в. разработка «китайского вопроса» во внешней политике России играла все более существенную роль. Территориальное соприкосновение, начало узаконенных торговых отношений, «опиумные» вой-

ны — все это вело к интенсификации отношений с Китаем. В 90-х годах XIX в. русско-китайские отношения вступили в новую, более активную фазу. Оказав помощь Китаю в урегулировании вопросов японо-китайской войны (1894—1895) русская дипломатия окончательно обозначила конфронтацию с Японией и четко указала на свои интересы в Китае и в целом на Дальнем Востоке. Русские интересы в регионе демонстрируются началом строительства дальневосточной части Транссибирской магистрали (1891) и основанием Русско-китайского банка (1895). Таким образом, роль этого посольства была велика. Однако подробное рассмотрение данного вопроса выходит за рамки статьи. Скажем только, что участие Сыромятникова в этом путешествии свидетельствует о его непосредственном участии в обсуждении и проработках некоторых важных вопросов внешней политики Российской империи.

По воспоминаниям одного из участников посольства, через какое-то время некоторые его члены стали разбредаться по разным направлениям. Через какое-то время решил покинуть миссию и Сыромятников и посетить другие страны Дальнего Востока, в том числе и Корею. Мое предположение основывается на тех статьях, которые опубликованы в газетах. Статьи о путешествии по территории Корейского полуострова были опубликованы в газете «Новое время» в конце 1897 — начале 1898 г.

Очерки рассказывают о том, как их автор прибыл в Корею из Японии, бродил по Пусану, посетил порт Чемульпо (제물포(濟物浦)) (современный город Инчхон) и даже был на аудиенции у короля Кочжона в «королевском городе»!

Начав свой визит на Дальний Восток приездом в Китай, Сыромятников пробыл там около трех месяцев, предположительно с мая по начало августа. Затем он отправился в Японию, где пробыл не более месяца. На протяжении всего путешествия он периодически отправлял свои отчеты в газету «Новое время», которая публиковала их частями. Эти отчеты, по-видимому, составлялись и отправлялись по завершении этапа передвижения. Так, последний отчет по итогам пребывания в Японии, опубликованный в трех октябрьских номерах [Сыромятников 1897: № 7778, 7779, 7780], был отослан из Сеула и датируется 25 августом (по старому стилю) 1897 г. По итогам путешествия по Корее он отослал в газету два больших отчета. Первый датируется 13 сентября (ст. с.) 1897 г., место написания Сеул. Он был опубликован в семи номерах [Сыромятников 1897: № 7783, 7800, 7801, 7808, 7810, 7816, 7835]. Второй датируется 10 октября (ст. с.) 1897 г., местом написания значится Владивосток. Этот отчет был опубликован в четырех номерах [Сыромятников 1897: № 7849, 7850, 7856, 7871]. Эти отчеты публиковались в период с начала ноября 1897 г. по конец января 1898 г. Таким образом, можно предположить, что Сыромятников находился на территории Кореи со второй половины августа по середину октября 1897 г., т.е. около двух месяцев.

1897 — важный год в истории русско-корейских отношений. Как упоминалось выше, после убийства в 1895 г. королевы Мин король Кочжон с февраля 1896 г. укрылся в русской миссии, где прожил почти год до февраля 1897 г. Нахождение в русской миссии позволило королю взять передышку, начать наводить порядок и переводить под свой контроль дела, собрать вокруг себя людей, которых он считал союзниками. Годичное пребывание короля в русской миссии не могло не отразиться положительно на русско-корейских отношениях.

За период с 1896 по 1897 г. были осуществлены важные для развития двусторонних отношений проекты, которые в свою очередь оказали огромное влияние на состояние внутренних дел Кореи. Из России были направлены военные инструкторы для подготовки корейской армии, боевое состояние которой было очень слабым. Был командирован чиновник таможенного ведомства К.А. Алексеев, который позже был назначен главным советником корейского министерства финансов. Обсуждались вопросы об открытии русско-корейского банка и строительстве телеграфных линий. Именно в такой важный период Сыромятников оказался в Корее.

Сыромятников прибыл в Корею из японского города Кобе в Пусан (СД, рис. 5), откуда на том же самом корабле отправился в Чемульпо, а оттуда в Сеул. В Сеуле Сыромятников провел около 20 дней. За это время он успел хорошенько осмотреть Сеул. Он описывает торговые ряды на Чонно, где купил на вес несколько книг по географии и истории Кореи, повстречался с большой каменной черепахой и пагодой, которые сейчас называются Pagoda park, совершил поход на Намсан, познакомился с русскими военными инструкторами, посетил русскую школу Бирюкова¹, был на аудиенции короля Кочжона в малом дворце и побывал также в большом «королевском городке».

Какой же был основной мотив визита Сыромятникова в Корею?

К середине 90-х годов значение Кореи во внешней политике России значительно увеличилось, русско-корейские отношения стали рассматриваться как важные и перспективные. В российском обществе стал появляться особый интерес к Корее и формироваться образ Страны утренней свежести. Для этого необходимы были собственные специалисты по языку и культуре. Материалы по Корее, описывавшие ее географию, историю, культурное своеобразие, выходили небольшими заметками в различных газетах, журналах и даже отдельными тонкими брошюрками. Кроме того, информация о Корее публиковалась и в закрытых изданиях военных ведомств.

Нельзя исключать возможности того, что С.Н. Сыромятников имел особые поручения, отправляясь на Дальний Восток и в Корею.

Целью его поездки, по-видимому, было собрание разнообразной информации о Корее, но в первую очередь материалов, касавшихся корейской культуры. Фотографии, собранные им, свидетельствуют об этом.

Отвечавшие за развитие дальневосточной политики люди отдавали себе отчет в том, что при выработке стратегических схем для поддержания своих интересов в данном регионе нельзя ограничиваться только лишь знаниями по военному делу или по экономике. Требовалось не только знание политических и военных компонентов жизни корейского общества и власти, но и сбор информации о повседневной жизни корейцев. Именно поэтому необходимо было мнение специалиста, который был бы знаком с дальневосточной культурой и мог бы собирать информацию по культуре Кореи. Сыромятников для этой роли подходил как нельзя лучше. Именно ему, как квалифицированному и, главное, увлеченному изучением Востока ученому, было доверено решение

¹ Николай Бирюков (?–1916) — отставной артиллерийский капитан, служивший в Приамурском крае и работавший с корейским переселенцами. Он был приглашен корейцами в Сеул в качестве преподавателя в русскую школу, открытую корейским правительством наподобие уже существовавших американских, английских, французских, японских.

этих задач. Кроме того, он хорошо владел словом, был интересующимся и наблюдательным человеком.

Его публикации в открытой печати были направлены на формирование положительного образа Кореи и формулирование идеи о позитивной роли России в данном регионе. Он один из первых пытался донести до широкой публики в России приобретенные знания о Корее не только в виде ряда опубликованных им статей в газетах. Так, в сохранившихся в архивах отрывках его переписки содержатся упоминания о том, что сразу по возвращении из экспедиции в конце 1897 г. он ходатайствовал о разрешении прочитать в Петербурге публичную лекцию на тему «По Дальнему Востоку. Прошлое, настоящее и будущее Китая, Кореи и Японии», а позже — о чтении лекций по корейской литературе на литературных собраниях («пятницах»), организованных известным русским поэтом и литератором Я.П. Полонским.

Данные утверждения основаны на анализе опубликованных в газетах материалов и работе с музейными коллекциями. Каких-либо документальных свидетельств о специальных назначениях или командировках Сыромятникова в 1897 г. пока не найдено. Большинство моих выводов и предположений строятся исключительно на доступных сохранившихся данных.

Его статьи в газетах выдают вдумчивого, наблюдательного, профессионального специалиста по Востоку. Описания окружающей действительности, будь то природа, культурный ландшафт, общение людей, даны очень профессионально, со знанием и уважением к наблюдаемому. Очевидно, что автор владеет тем материалом, который описывает.

Из публикаций следует, что он планировал объехать весьма обширную территорию как вдоль берегов, так и внутрь страны. «Собираясь на Дальний Восток, я имел в виду главным образом путешествие по Корее. Мне хотелось не только выяснить политическое положение этой страны <...> но мне важно было проехать Корею вдоль и поперек, чтобы познакомиться с ее естественными условиями, ее народом, ее хозяйством, ее промыслами и торговлей. Кроме того, меня занимали буддийские монастыри в Корее, которая просветила буддизмом Японию. <...> Я знал, что в большом монастыре Тондоса к СЗ от Фузана, в провинции Кёнсан, есть богатая библиотека, в которой хранятся, и может быть не в одном экземпляре, все священные книги буддизма. Поэтому я составил план своего путешествия так, чтобы сочетать изучение страны с посещением буддийских монастырей».

Но, как писал С.Н. Сыромятников, погода и «разные другие обстоятельства, не зависящие от моей воли» не позволили ему реализовать намеченный план. Он ограничился поездкой из Сеула на Кымгансан, а затем на север в Вонсан.

В рукописном отделе библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского университета хранятся книги из собрания С.Н. Сыромятникова. Отобранные им в путешествии по Корее книги косвенно отражают оценку русских ученых того уровня знаний по Корее, который был необходим. Весьма существенно и то, что при изучении этих книг мы получаем комплексное представление о стране: о ее географии, государственном устройстве, истории, языке, быте, религии и культуре, этике населяющего ее народа, т.е. комплекс начальных сведений.

В некоторых статьях Сигма в мягкой, но настойчивой форме указывает на необходимость скорейших действий в Корее, и не только оружием и деньга-

ми, но главным образом деятельностью образовательно-просветительского характера. В своих статьях он постоянно подчеркивает свою нелюбовь к Японии и японцам, отмечая их «агрессивное и злое» стремление возвыситься над другими народами Востока и называя это стремление неловким и неумелым.

Таким образом, еще одна задача, которую ставил в своих публикациях Сыромятников, — не только рассказать о Корее, но и повлиять на общественное мнение в тот самый момент, когда политика России на Дальнем Востоке и в частности в Корее, с одной стороны, имела результативное движение вперед, но с другой — отличалась неопределенностью и даже противоречивостью.

К сожалению, необычайно обширная по тематике и огромная по объему работа, которую вел до самой смерти востоковед Сергей Николаевич Сыромятников, практически неизвестна современным исследователям. В силу сложности тех исторических перипетий, в которые попала в начале XX в. Россия, многое из архивов и даже опубликованных работ оказалось потерянным или сокрытым. Сейчас во многом благодаря усилиям родственника-энтузиаста, внучатого племянника Бориса Николаевича Сыромятникова, удастся по крупицам собирать если даже не сами труды этого выдающегося человека, то хотя бы следы, намеки, упоминания о нем в переписках, газетных объявлениях, воспоминаниях. Многие выдающиеся отечественные востоковеды активно сотрудничали с ним, «опальным» после революции 1917 г. ученым. Драматические события октября 1917 г. в России и хозяйственная разруха, вызванная длительной Гражданской войной (1918–1922), явились главными причинами ухудшения жизни всего населения страны. В том числе и Сыромятникова, который отказался открыто поддерживать советскую власть. Его судьба после революции весьма печальна. Даже его родственники знают о ней мало. Его обширный архив был потерян. Известно, что он с 1924 г. по 1926 г. работал в Ленинградском институте живых восточных языков им. Янукидзе, а в 1925 г. продал свою библиотеку в Ленинградский государственный университет.

Еще до революции Сыромятников познакомился с известным в России Китаеведом Василием Михайловичем Алексеевым (1881–1951). Некоторые письма из их переписки были опубликованы. В одном из них, датированном 15 октября 1924 г., Сыромятников приглашает своего коллегу к себе домой по случаю приобретения дров и протапливания квартиры, а заодно «посмотреть коллекцию по Корее Coreana. Есть и коллекция по Японии Japonica. А с 24-го будет давать тепло центральное отопление, и я примусь за мемуары о Корее». Эта фраза свидетельствует о том, что у него была весьма обширная коллекция по странам Востока, часть которой, связанная с Кореей, и поступила в 1940 г. в МАЭ РАН. Интересны также материалы его переписки с Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем (1873–1955), одним из видных политических деятелей первых годов Советской власти, отвечавшего за развитие культуры и науки. В своих письмах он последовательно указывает на важность развития для молодой Советской России вопросов дальневосточной политики в связи с укреплением позиции в регионе Японии. Только такие обрывки информации остались нам от постреволюционной жизни Сыромятникова. Место его захоронения до сих пор не известно. Он умер 10 сентября 1933 г.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что этот человек внес ощутимый вклад в исследование материальной и духовной культуры Кореи.

В целом фотографии из коллекции Сыромятникова можно разделить на две большие части, которые условно можно назвать «постановочные» и «пейзажные». К «постановочным» относятся фотографии, композиция которых носит явно режиссированный характер (CD, рис. 6). Некоторые снимки делались в ателье. Такие фотографии вряд ли были сняты самим Сыромятниковым, они могли быть приобретены им или пересняты из других изданий.

К «пейзажным» относятся фотографии с видами Сеула, корейских улиц, бытовыми сценами и др. Эти фотографии являются своеобразными иллюстрациями посещений Сыромятниковым разнообразных регионов Кореи, его общения с разными слоями корейского населения, от короля, о чем мы узнаем из заметок, до земледельца-поселянина. Однако отсутствие комментариев к фотографиям и даже подписей очень сильно затрудняет их идентификацию.

На фотографиях Сыромятникова мы видим обилие портовых городов, рек и горных пейзажей. Особенно детально и живо предстают улицы корейской столицы, по которым ему не раз приходилось бродить. На фотографиях есть торговые ряды, где продают изделия из латуни (столовые наборы, палочки, ложки, подсвечники *ихоттэ*, светильники *тынгён* и др.) (CD, рис. 7), изделия из соломы (огромное количество соломенных лаптей чипсин, веревки, корзины, циновки, мешки и др.).

Также на фотографиях запечатлены встречи с русскими подданными в Корее. Например, фотография, сделанная на фоне кирпичного дома европейской архитектуры, перед которым расположилась группа сидящих и стоящих небогатых корейцев в ватных *чогори* и *пачжи*, без шляп *кат*, но с повязанными на головах платками. В центре этой группы сидит человек европейской внешности в русской военной форме. Вероятно, это один из русских подданных, прибывший в Корею по служебным делам, военный инструктор или преподаватель (CD, рис. 8).

Особого внимания, на мой взгляд, заслуживает фотография, которая первоначально в музейной описи была определена как «Рыночная площадь». На ней на фоне горы видны длинные строения в корейском традиционном стиле, перед которыми много людей. При первом взгляде это действительно можно назвать рыночной площадью. Однако при подробном рассмотрении контур горы в центре снимка напоминает гору Наксан, с востока прикрывающую дворец Кёнбоккун. В левой части снимка видны несколько попавших в кадр каменных арочных пролетов и деревянные перекрытия, напоминающие ворота Кванхвамун, главные ворота королевского дворца Кёнбоккун. Таким образом, можно смело предположить, что эта фотография была снята на Юкчо, дороге шести министерств (современная дорога Короля Сечжона), т.е. прямо перед дворцом. Внимание большинства людей на фотографии обращено в центр. Там виднеется напоминающий паланкин предмет, который несут несколько людей в траурной одежде, а перед паланкином несут шест с развевающимся полотнищем с иероглифической надписью (неразборчивой). На всех мужчинах на переднем плане фотографии надеты белые (!) шляпы *кат*, которые носили исключительно в дни траура. Таким образом, можно предположить, что это время государственного траура. Из предыдущего повествования ясно, что фотография могла быть сделана во второй половине 1897 г. Известно, что после убийства королевы Мин под давлением японцев она была лишена всех титулов, но затем, после укрытия короля в русской миссии и стабилизации внут-

риполитической ситуации, была реабилитирована и государственные похороны состоялись в ноябре 1897 г. Можно предположить, что этот снимок был сделан возле дворца в 1897 г. в период государственных похорон королевы Мин и, возможно, демонстрирует какое-то связанное с похоронами церемониальное действие.

В коллекции Сыромятникова есть еще одна фотография, где присутствует много людей в траурной одежде, как будто ожидающих начала церемонии (И-1521-22) (CD, рис. 9).

Среди иллюстративных материалов по Корее конца XIX — начала XX в. есть один фотоальбом среднего размера с зеленой обложкой. Сам альбом и фотографии, входящие в него, зарегистрированы как коллекция № И-2042. Зеленая обложка альбома украшена надписью теснением KODAK SOUVENIRS. Всего в альбоме 12 листов и 96 фотографий. На каждой странице размещено по четыре фотографии. Под каждой фотографией имеется надпись-комментарий черными чернилами. Размеры альбома 20×26 см. Размер фотографий небольшой — 7×9,5 см. На форзаце дарственная надпись: «Многоуважаемому Петру Казимировичу Яворовскому. На добрую память. Сер. Кишенский. 4 октября 1900 г.» К сожалению, информации о том, как этот альбом попал в МАЭ и кто был его непосредственным дарителем, не сохранилось. Опись, составленная Ю.В. Ионовой и хранящаяся в МАЭ, датируется только 1977 г. Этот документ содержит детальное описание фотографий и упоминание того, что все они были сделаны в период осенней экспедиции 1898 г. по северу Кореи под руководством Александра Ивановича Звегинцова.

Несмотря на то что опись содержит много информации, в альбоме таится парадоксальное сочетание информативности и загадочности. Информативность альбома заключается в обилии фотографий самого разного характера: виды корейской природы, а также корейских городов и деревень конца XIX в., их жителей, что позволяет взглянуть на уклад жизни корейского общества в один из самых трудных периодов его истории. Загадочность этого альбома формулируется вопросом, который невольно приходит на ум при первом же взгляде на эти снимки: что же привело в корейские города и деревни русских путешественников?

Для ответа на этот вопрос необходимо вновь обратиться к русско-корейским отношениям. Ко второй половине 1898 г. влияние России в Корее стало постепенно угасать. Король Кочжон был вынужден отказаться от помощи военных инструкторов, которые прибыли в Сеул в 1897 г. Советник министерства финансов Алексеев, который был командирован в Сеул для консультаций по экономическим и финансовым вопросам, был отозван, а Русско-Корейский банк фактически прекратил свою работу. Вместе со снижением роли России политическое, экономическое и военное влияние Японии в Корее стало интенсивно развиваться, несмотря на подписание между Россией и Кореей договора от 25 апреля 1898 г. о невовлеченности в корейские дела. Безусловно, основной целью российского правительства было укрепление безопасности России на Дальнем Востоке. Эта цель была тесно связана с «корейским вопросом». Однако постоянное активное участие России в корейских делах вызывало серьезные трения с Японией, с незапамятных времен рассматривавшей Корейский полуостров как зону своего влияния.

Таким образом, с одной стороны, согласно официальной позиции, к середине 1898 г. царское правительство на неопределенное время отказывалось от активной деятельности в Корее и делало попытки к разрядке напряженности в регионе путем полюбовного соглашения с Японией. С другой стороны, в некоторых близких к русскому правительству сферах успела упрочиться мысль о желательности и возможности для России сохранить определенное влияние на Корейском полуострове втайне от Японии.

Активным сторонником и реализатором второго подхода стал отставной офицер Александр Михайлович Безобразов (1855–1931). Одним из его предложений по незаметной вовлеченности в дела Кореи стало приобретение лесной концессии, располагавшейся на русско-корейской границе вдоль рек Туманкан и Амноккан. Эта лесная концессия принадлежала русскому купцу из Владивостока Бриннеру с 1896 г. Однако он не смог организовать выгодного дела и собирался ее продавать. Вот тут-то и возникла идея перекупить у Бриннера эту концессию и под организацией торгового дела сохранить влияние в регионе. Одним словом, использовать эти территории не только для торговых, но и для геополитических и стратегических целей. В ходе ряда операций концессия была приобретена в мае 1898 г.

Следующим шагом было исследование региона, для чего была организована большая экспедиция по северу Кореи. Именно фотографии этой экспедиции и хранятся в альбоме с зеленой обложкой, зарегистрированном под № И-2042.

Вопрос о лесной концессии вызывал много споров и дискуссий в русском правительстве на рубеже столетий [Пак 1997: 81]². В книге «Пролог Русско-Японской войны», вышедшей под редакцией Б.Б. Глинского в 1916 г., мы находим вполне конкретное упоминание об экспедиции в северную Корею именно в связи с лесной концессией Владивостокского купца Бриннера [Там же: 82]³. Необходимо отметить и тот факт, что Б.Б. Глинский издавал эту книгу по материалам архива министра финансов С.Ю. Витте, который был весьма влиятельной фигурой не только в экономической, но и в политической жизни страны в 90-х годах XIX в. и играл заметную роль в разработке программ, направленных на усиление России на Дальнем Востоке. Глинский пишет: «Для обозрения лесных и горных богатств Севера Кореи и с целью определения, насколько можно было бы воспользоваться ими для учреждения устойчивого торгового дела, в страну в конце 1898 г. была отправлена особая экспедиция, во главе со штабс-ротмистром Звегинцовым, в составе подполковника барона Корфа, инженера Михайловского, Сафонова, Кишенского, статского советника Тихонова, надворного советника Юденича и дворянина С.Н. Сыромятникова (он же Сигма, тогдашний публицист “Нового времени”). Кроме того, для объединения работы членов экспедиции на Дальний Восток был командирован тайный советник Непорожнев» [Пролог 1916: 249]. Глинский также пишет, что министр финансов не был посвящен в дело подготовки экспедиции и узнал о ее проведении значительно позже.

В монографии «Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея», написанной и изданной на русском языке в 1997 г., корейский исследователь Пак Чон

² Подробнее см.: [Пак Чон Хё 1997].

³ Подробнее см.: [Пак Чон Хё 1997].

Хё также упоминает об экспедиции в северную Корею под руководством А.И. Звегинцова в связи с вопросом о приобретении лесной концессии Бринера [Пак 1997: 81–84]. В ходе рассуждения автор оперирует информацией, полученной из архивных документов. Он пишет, что 26 февраля (10 марта) 1898 г. граф И.И. Воронцов-Дашков представил «Записку» императору Николаю II. «В документе характеризовалось положение России на Дальнем Востоке и обосновывалась настоятельная необходимость проведения ряда мер для исправления ситуации: 1) перехватить концессию Бринера; 2) отправить особую экспедицию для осмотра лесных богатств Кореи и всестороннего исследования севера этой страны, а также попытаться мирными средствами захватить этот регион <...> 30 апреля (12 мая) великий князь Александр Михайлович и граф И.И. Воронцов-Дашков подали Николаю II “Записку” о необходимости срочной отправки экспедиции в Северную Корею» [Там же: 81]. Далее автор пишет о том, что Николай II одобрил идею с экспедицией и назначил ее исполнительными руководителями А.М. Безобразова и В.М. Вонлярлярского [Там же: 82].

Приводимые цитаты ясно демонстрируют, что осенняя экспедиция 1898 г. была организована при участии влиятельных людей того времени. Упоминание о том, что сам император благословил проведение экспедиции, свидетельствует о большой важности последней. Кроме того, на основе вышеизложенного можно сделать вывод, что экспедиция была тесно связана с деятельностью А.М. Безобразова и В.М. Вонлярлярского — фигур, оказавших заметное влияние на ведение политики Российской империи на Дальнем Востоке. Эта экспедиция по сути дела стала одним из первых плодов работы группы лиц, результаты которой вошли в историю России под весьма неблагозвучным названием «безобразовщина». Описание характера их влияния и его оценка являются предметом отдельного исследования, выходящего за рамки темы, определенной в заглавии статьи.

Тем не менее участие в организации этой экспедиции таких фигур, как А.М. Безобразов, В.М. Вонлярлярский, Великий князь Александр Михайлович и граф И.И. Воронцов-Дашков, побудило нас обратиться к архивным материалам.

В фонде № 917 (Вонлярлярские) Российского государственного исторического архива (РГИА) хранятся два дела, имеющих непосредственное отношение к этой экспедиции.

В деле № 4 хранится «Отчет о ходе ВЫСОЧАЙШЕ возложенного на ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА, дела о Корее в 1898–1899 гг.». Отчет подписан полковником гвардии в отставке Вонлярлярским 1 (14) августа 1899 г. В деле № 5 — финансовые документы по осенней экспедиции 1898 г. и подробные аттестации всех участников экспедиции за подписью Звегинцова (без даты).

Анализ этих документов позволяет увидеть следующую картину.

После встречи в Петербурге в первых числах января 1898 г. полковника Вонлярлярского и вновь назначенного уполномоченным России в Сеуле действительного статского советника Матюнина возникла идея о покупке концессии Бринера. Через высокопоставленных вельмож 26 февраля (10 марта) императору Николаю II была подана «Записка», в которой предлагалось приобрести концессию Бринера, так как «эта концессия давала право проводить

дороги, держать лесную стражу и т.п., словом, хозяйничать в северной Корее. Для осмотра этих лесов могла быть отправлена экспедиция, которая, не возбуждая толков и дипломатических запросов, исследовала бы все стороны северную Корею» [РГИА. Ф. 917. Оп. 1. Д. 4. Л. 1]. В начале мая 1898 г. последовало «ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение на отправление экспедиции с утверждением списка участников» [Там же. Л. 3 об.].

В состав экспедиции «снаряженной для исследования лесов северной Кореи, вошли:

1) Начальник экспедиции — поручик (ныне штабс-ротмистр) Кавалергардского ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ полка Звегинцов.

2) Вице-инспектор Корпуса Лесничих статс. сов. Тихонов.

3) Горный инженер кол. асс. Кишенский.

4) С.Н. Сыромятников (Сигма).

5) Льготный урядник терского казачьего войска Сеоев [Там же].

В конце мая 1898 г. экспедиция вышла из Петербурга, а 12 (25) июня 1898 г. «из Одессы ушла на пароходе Добровольного Флота “Воронеж”» [Там же. Л. 4].

Ввиду обилия предстоящих работ 13 (26) июня 1898 г. Николаю II вновь была подана Записка, «в которой высказывалась крайняя важность изысканий путей сообщения между Владивостоком и Порт-Артуром и необходимость дополнительной экспедиции, в которую вошли бы: офицер, инженеры Путей Сообщения и врач» [Там же. Л. 5].

Список участников 2-ой экспедиции был утвержден Николаем II 25 июня (8 июля) 1898 г.: «В состав этой экспедиции вошли:

1) Ober-офицер для особых поручений при начальнике Закаспийской области, капитан (ныне подполковник) барон Корф (он был откомандирован для сего от Главного Штаба в распоряжение командующего ИМПЕРАТОРСКОЙ Главною Квартирою).

2) Инженер Путей Сообщения кол. сов. Михайловский.

3) Инженер Путей Сообщения кол. секр. Сафонов.

4) Техник Путей Сообщения Борминский.

5) Врач Акифьев.

6) Осетин Бекир Гамазов

Все эти лица отправились из Петербурга сухим путем через Сибирь. Этот путь был выбран для выигрыша времени, так как предполагалась возможность быстро проехать по Сибирской жел. дор. почти до Иркутска, а затем на почтовых и пароходе по р. Амур <...> Последовательными телеграммами, посылаемыми с пути членами экспедиций на имя Вонярярского, было известно, что все они благополучно прибыли к месту назначения: поручик Звегинцов прибыл с Кишенским во Владивосток 21 июля (3 августа), а Непорожнев с Тихоновым, Сыромятниковым и Юденичем 28 июля (10 августа) в Сеул. 2-ая экспедиция добралась с трудом до Владивостока к 23 августа (5 сентября), так как была задержана падежем лошадей (сибирской язвой) и мелководьем рек Шилки и Амура <...> Экспедиционный караван выступил из Ново-Киевска 9 (22) сентября несколькими партиями, чтобы охватить возможно больший район. Работы инженеров Путей Сообщения должны были сосредоточиться по руслам, долинам и водоразделам рек Тумень и Ялу, на горном хребте Чан-бо-Шан и на горе Пек-ту-сан; лесничий и горный инженер должны были исследовать, каждый по своей спе-

циальности, возможно большее пространство. Г.г. офицеры должны были собрать статистический, экономический и специально военный материал, и на всех членов экспедиции было возложено производство маршрутных съемок. Выступление экспедиции было задержано особенной продолжительностью дождливого периода в 1898 г.» [Там же. Л. 5–7] (CD, рис. 10).

В своем отчете Вонлярлярский уделяет значительное место описанию организационных проблем, возникших в Петербурге, по его мнению, из-за «недоверия к организаторам дела». Он упоминает также о переписке между ним и министром двора бароном Фредериксом, Вел. кн. Александром Михайловичем, о мнении различных министров о данном мероприятии и о том, что министр финансов Витте посвящен в дело не был [Там же. Л. 3]. Мы не будем подробно останавливаться на отношениях между собой руководства страны, потому что это скорее относится к изучению истории России. Тем не менее хочется отметить, что если все было так, как пишет Вонлярлярский, то после знакомства с этой частью отчета остается чувство глубокого сожаления от того, как легкомысленно и безответственно велись порой дела государственной важности.

Все же «27 октября (9 ноября) инженер Михайловский первый окончил свое задание и вышел в Порт-Артур, выдержав на дороге нападение хулиганов. Остальная экспедиция задержалась в Корее дольше, чем предполагалось» [Там же. Л. 7–8 об.].

В конечном итоге все члены экспедиции благополучно съехались в Петербург и «принялись за составление предварительных отчетов» [Там же. Л. 9].

Некоторое время спустя «члены экспедиции представили предварительные отчеты, прекрасная самоотверженная деятельность участников была вполне выяснена» [Там же. Л. 10 об. — 11].

Затем 9 (22) марта 1899 г. «поручик Звегинцов и инженер Михайловский, и подполковник барон Корф 15 (28) марта имели счастье докладывать ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ свои путевые впечатления. 9 (22) марта 1899 г. Вонлярлярский удостоился услышать из уст ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА МОНАРШЕЕ спасибо за все сделанное, причем ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было выразить удивление, что в такое короткое время было сделано так много» [Там же. Л. 9 об.].

Впечатленный проделанной работой Николай II наградил участников экспедиции. Наградной список выглядел следующим образом: штабс-ротмистр Звегинцов, подполковник барон Корф и коллежский советник Михайловский представлены к награждению орденом Св. Владимира 4-ой степени; С.Н. Сыромятников — к ордену Св. Анны 3-ей степени и подарку по чину; коллежский секретарь Сафонов — к ордену Св. Анны 3-ей степени; статский советник Тихонов — к производству в действительные статские советники; коллежский ассessor Кишенский — к производству в надворные советники; врач Акифьев — к ордену Св. Станислава 3-ей степени; техник Борминский — к награждению медалью на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость» и почетному потомственному гражданству; Затем 8 человек получили медали с надписью «За усердие» для ношения на груди и 28 человек — денежные вознаграждения всего на 1040 рублей [Там же. Л. 11].

Что же так поразило Государя Императора?

За 94 дня (начало экспедиции 22 сентября 1898 г.) следования по Корее экспедиция смогла пройти по разным направлениям север этой страны и все-

сторонне ее исследовать: «произвела железнодорожные рекогносцировочные изыскания между Владивостоком и Порт-Артуром; исследовала с промерами и составила карту рек Туманган и Амноккан; исследовала леса северной Кореи насколько позволило время; произвела геологические, статистические, экономические, климатические исследования северной Кореи; было привезено много специально военных сведений; добыт обильный материал для карты северной Кореи на основании более 4500 км маршрутной съемки; 11 пунктов определены астрономически; исследован Порт Шестаков (совр. бухта возле мыса Сондо пров. Южная Хамген. — Д.С.) и выяснено его важное положение для России (отчеты инженера Сафонова и врача Акифьева); привезено убеждение, что население северной Кореи ждет прихода русских, весьма им симпатизирует и что японцы не успели завладеть северной Кореей; составлены путевые впечатления по Сибирской жел. дор. и по рекам Амуру, способные дать весьма ценный материал» [Там же. Л. 12 об.].

Результаты работы говорят сами за себя. Их достижению способствовала сложившаяся в коллективе атмосфера. В своем отчете Вонлярлярский отметил, что «вопреки почти обычному явлению, что из экспедиции все участники возвращаются врагами, настоящая экспедиция вернулась сплоченною, дружною, с отсутствием зависти к успехам товарищей и полная энергии продолжать работу, чтобы оправдать доверие посылавших. Дух экспедиции был таков, что, например, капитан барон Корф не только считался помощником поручика Звегинцова, но и был им в действительности. Поручик Звегинцов имел настолько такта, что остальные члены экспедиции, старше его летами и чином, несмотря на некоторую шероховатость в начале путешествия добровольно признали за ним главенство в конце. Обстоятельства создали дисциплину отношений, столь необходимую при ответственной дальней экспедиции. Только благодаря этому духу экспедиция могла сделать то, что сделала и благополучно вернуться домой» [Там же. Л. 9].

Из сказанного видно, что люди, участвовавшие в этой экспедиции, ответственно и профессионально подошли к исполнению поставленных задач. Несмотря на то что организацию этой экспедиции можно назвать продуктом авантюры ряда лиц, приближенных к императору, работа участников путешествия была выполнена на высшем уровне. Они воспринимали свою отправку в Корею как службу Родине, как работу на благо Отечества. Они профессионально выполняли поставленные задачи, как это и подобает русскому офицеру (в самом широком смысле этого слова). Они исполнили свою работу с чувством, долгом, ответственностью перед содеянным.

Вонлярлярский завершает свой отчет, датированный, напомним, 1 (14) августа 1899 г., следующей фразой: «После 18-ти месячных трудов, массы затраченной энергии целой группы лиц, после того как факты оправдали положения организаторов, когда они, по-видимому, заслужили доверия [неразбр.] приходится на всем деле поставить крест...» [Там же. Л. 14—14 об.]. Тем не менее дальнейшее развитие событий показало, что последняя точка в этом деле была поставлена намного позже. Активная деятельность Вонлярлярского и Безобразова продолжалась еще не один год. Однако это уже другая история.

Таким образом, фотографии из зеленого альбома были сделаны в период осенней экспедиции по северу Кореи, начавшейся 22 сентября 1898 г. Началь-

ником экспедиции был поручик кавалергардского полка Александр Иванович Звегинцов (CD, рис. 11). Экспедиция находилась в Корее 94 дня и успела проделать колоссальный объем работ. Был исследован большой и труднопроходимый участок севера Корейского полуострова вдоль рек Тумангана и Амнокана и между городами Нампхо и Вонсан. Основных участников экспедиции было 38 человек, 8 переводчиков и значительное число погонщиков и обозных из местных жителей [Там же. Д. 5]. Для того чтобы исследовать большую территорию, вся экспедиция была поделена на группы (партии). Принцип формирования партий, к сожалению, нигде не обозначен. Однако известно, что существовали две железнодорожные партии, двигавшиеся вдоль русла рек Туманган и Амнокан. Ими руководили Гарин и Сафонов. Были составлены также горная партия во главе с Сергеем Кишенским и лесная партия во главе с Василием Тихоновым, задачи которых были в исследовании лесного и горного богатства края (список всех участников экспедиции приводится в таблице 2). Все участники экспедиции были отмечены государственными наградами или денежными выплатами. Экспедиция была организована по инициативе гвардии полковника в отставке В.М. Вонлярлярского и действительного статского советника А.М. Безобразова, заручившихся при поддержке графа И.И. Воронцова-Дашкова покровительством императора Николая II. В связи с тем что к концу 1898 г. по вопросам ведения политики в отношении Кореи в русском правительстве возникли серьезные разногласия, эта экспедиция носила особый, тайный, характер даже для некоторых влиятельных членов российского правительства. Экспедиция, по мнению ее организаторов, должна была стать одним из шагов, которые помогли бы «завоевать Корею мирным путем» [Там же. Д. 4. Л. 1].

Материалы, полученные в ходе экспедиции, ввиду своей уникальности вылились в ряд выступлений и публикаций трудов стратегической важности.

Эти материалы можно рассматривать как своего рода официально опубликованные отчеты данной экспедиции. Хранящийся в Кунсткамере зеленый альбом и его фотографии не были частью официального отчета. Как известно, фотографии были сделаны горным инженером Сергеем Кишенским и помещены в зеленый альбом, подаренный П.К. Яворовскому, который в экспедиции не участвовал. П.К. Яворовский также был специалистом по горному делу и членом ИРГО (с 8 (21) мая 1896 г.) [Список 1906]. По всей видимости, они состояли в дружеских отношениях, и зеленый альбом был подарен просто «на добрую память». Эти фотографии создавались для того, что бы запечатлеть для себя непосредственные наблюдения, сохранить атмосферу пестрой панорамы из пейзажей, лиц, бытовых эпизодов, которая возникает у путешественника, знакомящегося с жизнью, доселе ему неизвестной. Благодаря этому у нас, жителей XXI в., появляется шанс увидеть корейские пейзажи, повседневную жизнь далекой корейской провинции конца XIX в., настоящие живые лица жителей этой части страны (CD, рис. 12). Через эти снимки у нас появляется возможность собственными глазами взглянуть на особенности жизненного уклада населения северных провинций Кореи (CD, рис. 13).

В таблице 3 приведены названия населенных пунктов северных регионов Корейского полуострова, а в таблице 4 — информация о том, на каких фотографиях представлены участники экспедиции.

Таблица 2

**Схема состава экспедиции по северу Кореи осенью 1898 г.
(по материалам аттестаций участников экспедиции,
составленным А.И. Звегинцовым¹)**

**Начальник экспедиции
ЗВЕГИНЦОВ Александр Иванович
Гвардии Поручик
Конвойный Соев Николай Степанович**

Помощник Начальника Экспедиции БАРОН КОРФ Николай Андреевич Армии Подполковник	Специалист по горной части Кишенский Сергей Павлович. Горный Инженер	Начальник 5-й партии Сыромятников Сергей Николаевич Кандидат Права	Специалист по лесной части Тихонов Василий Андреевич. Вице-Инспектор Корпуса Лесничих
Старший: Гамазов Бекир	Старший: Козлов Егор Наумович	Моргач	Старший: Низовцов
Шаталов Пит	Быстряков Проход	Переводчик: Пак Владимир	Грачик Михаил ²
Куценко Аким	Силин Иван		Гнать Павел
Журавлев Василий	Козлов Дмитрий		Капиткин Пуд
Переводчик: Афанасий Ким			Кахимов Абдул ³
			Колосов Дмитрий
			Борвинский Матвей
1-ая ж/д партия МИХАЙЛОВС- КИЙ НИКОЛАЙ ГЕОРГИЕВИЧ ИНЖЕНЕР П/С	2-ая ж/д партия САФОНОВ АНДРЕЙ ПЛАТОНОВИЧ ИНЖЕНЕР П/С		
Старший: Борминский Николай	Грошев Матвей		
Бибик Павел	Петров Андрей		
Беседин Федор	Бахирев Ульянов		
ХаповАбросим	Федотов Григорий		
Пищальников Иван	Кокорин Платон		

¹ РГИА ф. 917 (Вонлярлярские), оп. 1, д. 5, лл. 39 об — 57

² Числился также в 7-ой партии

³ Числился также в горной партии

Имя	Должность в экспедиции
Акифьев Иван Николаевич	врач экспедиции
Алексеев Иван	Старший в 3-ей парт
Гуляев Николай	Кузнец
Малафеев Иван	участник 7-ой партии
Ким Пётр	Переводчик в 1-ой партии (аттестация)
Ким Пётр	Переводчик: в 3-ей партии
Кен Ча Ни	Переводчик в 4-ой партии
Смирнский Николай (кореец)	переводчик в 6-ой партии
Пантелеймон Цой	Переводчик в 7-ой партии
Цой Пётр	переводчик в 8-ой партии

Комментарии: 1. По опубликованным материалам экспедиции (Приложении № 2) и доступным документам известно, что состав экспедиции был разбит на несколько групп (партий). Тем не менее нигде не удалось найти упоминания о принципе формирования групп (партий). Можно предположить, что группы (партии) формировались исходя из оперативной необходимости.

Наша схема состоит из двух частей: первая представляет собой таблицу, где участники экспедиции располагаются по принадлежности к группе (партии), существование которой удалось точно установить, вторая (куда входят не вошедшие в первую таблицу участники) — список с указанием должности в аттестации.

2. Прописными буквами выделены имена участников экспедиции, которые точно определены на фотографиях, входящих в состав коллекции И-2042 из фондов МАЭ РАН (Кунсткамеры) (Приложение № 5).

Таблица 3

Некоторые географические названия из надписей под фотографиями

пп №№	Название в альбоме	Число фотографий в альбоме	Современное название
1	г. Кегенфу	6 (1-5, 7)	경흥 Кёнхын
2	р. Тумен-ула	2 (1, 4)	두만강 Туманган
3	р. Орунчонь	2 (6, 8)	오룡천 Орёнчхон
4	г. Чонгъ-Сонг	3 (13, 14, 17)	종성 Чонсон
5	г. Кангъ-ёнг	1 (15)	경원 Кёнвон
6	г. Херён	6 (21–25, 28)	회령 Хверён (CD, рис. 14)
7	г. Капсан	12 (43–48, 50–55)	갑산 Капсан (CD, рис. 15)
8	г. Гензан	4 (93–96)	원산 Вонсан

Таблица 4

Участники экспедиции (фотографии в альбоме)

пп №№	Имя	Число фотографий в альбоме
1	Звегинцов А.И.	5 (14, 28, 30, 33, 44)
2	Корф Н.А.	2 (49, 44)
2	Кишенский С.П.	1 (74)
3	Сыромятников С.Н.	3 (3, 5, 41)
4	Сеев Н.С.	3 (28)
5	Козлов Е.Н.	16 (12, 14, 21–23, 25, 35, 44, 47, 48, 74, 84, 91, 93, 96)
6	Партия Кишенского С.П. (Быстряков П., Силин Н., Козлов Д.)	9 (11, 12, 21, 23, 36, 71, 72, 74, 75)
7	Партия Корфа Н.А. (Гамазов Б., Шаталов П., Куценко А., Журавлев В.)	1 (49)
8	Ким А.	2 (49, 44)

Иллюстративный материал, о котором рассказывалось выше, составляет основу корейского фонда. Тем не менее были единичные поступления, которые также заслуживают быть упомянутыми.

В коллекции по разным регионам под № 1073 есть фотография № 1073-15 под названием «Наказание вора в Корее» (СД, рис. 16). Собиратель этой коллекции — Трусевич Яков Иванович. Известно, что он работал врачом на крейсере русского добровольного флота «Россия» в период с 1878 по 1883 гг. Корабли русского Добровольного флота бороздили южные моря и достигали берегов Дальнего Востока. Вероятно, фотографии были приобретены в ходе одной из поездок за границу.

В смешанной иллюстративной коллекции 1695 имеются четыре фотографии, посвященные Корее. Фотографии наклеены на паспарту с красивыми рамочками золотого тиснения. На фотографиях изображены виды корейской рыболовецкой деревушки: небольшие лодочки, развешенные вдоль берега сети (СД, рис. 17). К сожалению, история поступления этих материалов в МАЭ РАН неизвестна. В имеющихся описях есть краткое упоминание, что фотографии были зарегистрированы в 1910 г. и собраны до 1888 г.

В фондах МАЭ РАН хранятся также коллекции почтовых открыток, изданных в Японии и иллюстрирующих корейский повседневный быт. Как известно, в 1910 г. Корея потеряла независимость и стала частью Японии. Эти материалы также представляют интерес с различных точек зрения. Мы можем рассматривать их как материал по политике Японии в Корее, а также как материалы по состоянию корейского общества в столь непростой период. Однако это задачи для будущих исследований. В рамках данной статьи мы затронем только самые общие факты, касающиеся истории приобретения этих коллекций.

В коллекции почтовых открыток за номером 2513 содержится 11 единиц хранения. Эти открытки были приобретены у Сергея Вениаминовича Геймана в марте 1914 г.

Известно, что С.В. Гейман вошел в историю науки как один из активных участников так называемой «студенческой экспедиции» в Южную Америку. Эта экспедиция была предпринята несколькими молодыми учеными разных специальностей с целью собрать разносторонний материал об этом регионе. Среди участников были и физиолог, и этнограф, и лингвист. Сам С.В. Гейман по специальности был экономистом.

Экспедиция продолжалась почти два года — с сентября 1914 г. по 1916 г. В ходе ее проведения участники предприняли беспрецедентное по тем временам путешествие и смогли собрать огромное количество разностороннего материала. По возвращении в Петербург коллекции были переданы в научные учреждения Петрограда и Москвы — в Зоологический и Этнографический музеи Академии наук, музей Ботанического сада, музей Московского университета, музей сравнительной морфологии имени П.Ф. Лесгафта. Таким образом, можно предположить, что у них были связи с МАЭ РАН.

Однако материалы по Корее в фонд Музея попали раньше начала экспедиции, в марте 1914 г. Вероятнее всего, что С.В. Гейман мог продать материалы для того, чтобы выручить какие-нибудь средства для организации экспедиции. К сожалению, то, как эти материалы попали к Гейману, на данный момент установить не удалось (CD, рис. 18).

Другая коллекция открыток была получена от Н.И. Конрада. На личности Н.И. Конрада хочется остановиться особо. Николай Иосифович Конрад (1891–1970), академик, выдающийся советский востоковед. В 1908 г. он окончил гимназию в Риге и в том же году поступил в Петербургский университет на китайско-корейское отделение. За годы учебы в университете установил тесные связи с Музеем антропологии и этнографии, ставшим к этому времени крупным научным учреждением. В 1912 г. Н.И. Конрад окончил Петербургский университет. В 1913 г. начал педагогическую деятельность в Киеве, в 1914 г. вернулся в Петербург. В этом же году Музеем антропологии и этнографии при поддержке Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии он был командирован в Корею и Японию. Ему было дано задание — собирать коллекции по традиционной культуре Кореи и Японии для МАЭ РАН.

Заметим, что после японской аннексии изучение традиционной культуры Кореи за пределами страны практически не велось. Поэтому командирование в Корею молодого перспективного специалиста преследовало важную цель — увеличить объем знаний по стране. Со времени аннексии Кореи Японией постоянно собирались материалы по экономическому положению страны, но этнографические, лингвистические и археологические исследования продвигались сравнительно медленно. Тем не менее все перечисленные аспекты изучения страны были необходимы специалистам для решения общих научных и практических задач на Дальнем Востоке. Поездка Конрада в Корею и Японию началась в конце 1914 г. и длилась более двух лет [Корейские 1987: 14].

В Корее Конрад находился в конце 1914 — начале 1915 г. и летом 1916 г. Как свидетельствуют архивные материалы, работа Конрада в Корее проходила в трудных условиях. Начало XX в. — время больших испытаний для Кореи. Тотальный кризис, который охватил абсолютно все слои корейского общества,

в итоге привел к потере независимости в 1910 г. С превращением этой страны в колонию Японской империи (1910—1945) исследования русскими и другими европейцами культуры и быта корейцев наталкивались на ряд организационных сложностей. Несмотря на это, Конрад собрал ценный этнографический материал по социальной организации корейцев (семье, роду, системе родства), обычаям, праздникам и религии и, кроме того, значительную этнографическую коллекцию для МАЭ РАН. Известно, что эта коллекция должна была быть отправлена из японского города Цуруга на кораблях Русского Добровольного флота. Однако вследствие невыясненных причин в Санкт-Петербург эта коллекция не пришла, а попытки разыскать ее через несколько лет не увенчались успехом. Видимо, сказалась сложная международная обстановка, связанная с продолжением Первой мировой войны, внутренним положением России, а также напряженные отношения между Россией и Японией. К счастью, часть отчета Конрада была обнаружена Ю.В. Ионовой в Ленинградском отделении архива АН СССР и издана в 1996 г. при активном участии Р.Ш. Джарылгасиновой. Часть иллюстративного материала, собранного Н.И. Конрадом в Корее, как раз и хранится в МАЭ [МАЭ РАН. Оп. 2685] (CD, рис. 19).

На фотографиях мы видим различные бытовые сценки из жизни корейского общества. Все открытки относятся к серии «Корейские обычаи» (The Corean Customs).

В фондах хранится также коллекция открыток И-762, зарегистрированная в 1937 г. Она была приобретена за 30 рублей у Матвеева Зотика Николаевича (1889—1938 гг.). Всего в коллекции 12 открыток.

З.Н. Матвеев был родом из Владивостока. Занимался историей, краеведением, библиографией. В 1908 г. закончил во Владивостоке гимназию, учился в Петербурге в Политехническом институте, но был исключен с третьего курса за участие в студенческих волнениях. После этого он вернулся во Владивосток, где с 1912 г. учился в Восточном институте на японо-китайском отделении, которое окончил в 1916 г. В ходе обучения дважды выезжал в Японию на летнюю языковую практику. Затем учился в Государственном Дальневосточном университете (ГДУ) на историко-филологическом факультете. В этот период он увлекся историей и библиографией Дальнего Востока. В свободное от учебы время занимался практическим библиотековедением. С 1920 г. работал в Учительском институте заведующим библиотекой, а с 1923 г. в ГДУ на кафедре востоковедения читал курс истории Востока и руководил библиотекой университета. В 1929 г. он издал книгу о государстве Бохай, не потерявшую своей актуальности и по сей день. Он активно разрабатывал проблемы библиографии Дальнего Востока, занимался практическим библиотековедением. Во второй половине 1930-х годов переехал в Ленинград. Работал в ИВ АН СССР по теме «Библиография Японии на рус. яз. (1728—1935)». Многогранная работа Матвеева внезапно была прервана — 5 ноября 1937 г. его арестовали, предъявив обвинение в измене Родине. 25 апреля 1938 г. он был расстрелян. Реабилитирован посмертно 20 октября 1956 г.

По всей видимости, открытки были приобретены З.Н. Матвеевым в ходе одной из стажировок в Японии (CD, рис. 20).

В фондах Кунсткамеры хранятся также материалы, на которых изображены виды северной части Корейского полуострова уже после разделения страны на два государства.

К таким материалам относится коллекция фотоотпечатков, сделанных с пленки контр-адмирала А.И. Курдюкова в 1953 г. Регистрировала эти материалы Ю.В. Ионова. На фотографиях мы знакомимся с видами Пхеньяна и его окрестностей (CD, рис. 21, 22, 23). К сожалению, до сих пор остаются невыясненными цели и сроки нахождения А.И. Курдюкова в Северной Корее, а также то, каким образом эти материалы поступили в МАЭ.

В середине 50-х годов XX столетия установились культурные связи с Корейской Народно-Демократической республикой. Дружеские отношения Советского Союза с КНДР способствовали развитию культурных отношений между нашими странами. Благодаря этому произошло пополнение корейского фонда. В 1955 г. МАЭ РАН посетила делегация из Северной Кореи, среди членов которой был То Ю Хо, который преподнес в дар музею небольшую коллекцию фотографий с изображением масок персонажей народного театра регионов Понсан и Хэчжу (CD, рис. 24, 25).

Мы рассказали о большей части корейского иллюстративного фонда. Данная статья является первой попыткой комплексного изучения иллюстраций по культуре Кореи. Очевидно, что при каждом новом обращении к изучению коллекций отчетливо проявляются определенные трудности, нерешенные вопросы. Следующим этапом изучения коллекций должно стать подробное описание самих фотографий и изучение не только истории их собирания, но и самого содержания снимков.

Мы искренне верим, что с выходом нашего диска этот пробел будет восполняться.

Библиография

Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ. (Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XLI). Л., 1987.

Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. М., 2004.

Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея, М., 1997.

Пролог Русско-японской войны: Материалы из архива г. С.Ю. Витте / Под редакцией Б.Б. Глинского. СПб., 1916.

Список членов Императорского Русского Географического Общества, СПб., 1906.

Сыромятников С.Н. Поездка в Японию // Новое время. 22.10. (03.11) 1897. № 7778; 23.10. (04.11) 1897. № 7779; 24.10. (05.11) 1897. № 7780.

Сыромятников С.Н. В Корею // Новое время. 27.10 (8.11) 1897. № 7783; 13 (25) 11. 1897. № 7800; 14 (26) 11 1897. № 7801; 21.11.(3.12) 1897. № 7808; 23.11 (5.12) 1897. № 7810; 29.11.(11.12) 1897. № 7816; 18 (30) 12.1897. № 7835.

Сыромятников С.Н. Внутри Кореи // Новое время. №. 78493, №. 7850, № 7856, № 7871.

Архивные документы

РГИА. Ф. 917. Вонлярлярские.

МАЭ РАН. Опись коллекции № 2685.

Подписи к иллюстрациям на CD

Рис. 1. Кореец на корове. МАЭ. Колл. № 162-363.

Рис. 2. Закладка нового здания для русской миссии в Сеуле. МАЭ. Колл. № 1679-7.

Рис. 3. Канцелярия русской миссии в Сеуле. МАЭ. Колл. № 1679-1.

Рис. 4. Вид в королевском городе в Сеуле. МАЭ. Колл. №1679-9.

Рис. 5. Вид залива и мыса. МАЭ. Колл. № И-1521-1.

Рис. 6. Корейские чиновники. МАЭ. Колл. № И-1521-28.

Рис. 7. Лавка продавца медной посуды. МАЭ. Колл. № И-1521-23.

Рис. 8. Русский офицер в окружении корейцев. МАЭ. Колл. № И-1521-25.

Рис. 9. Ворота Кванхвамун. Дорога шести министерств. Траурная процессия. МАЭ. Колл. № И-1521-22.

Рис. 10. На вершине перевала Кайенён (?). На горизонте едва видны очертания потухшего вулкана Пектусан. МАЭ. Колл. № И-2042-38.

Рис. 11. Начальник экспедиции А.И. Звегинцев, его переводчик (кореец) и урядник Терского казачьего полка Николай Сеоев (осетин) на лошадях. МАЭ. Колл. № И-2042-28.

Рис. 12. Женщина деревни Сипуни (?) с корзиной на голове и с ребенком. МАЭ. Колл. № И-2042-66.

Рис. 13. Кореец с соколом. МАЭ. Колл. И-2042-90.

Рис. 14. Губернатор города Хверён Ким Хунсо и участник экспедиции Егор Наумович Козлов (выпившие). МАЭ. Колл. № И-2042-22.

Рис. 15. Общий вид города Капсан. МАЭ. Колл. № И-2042-43.

Рис. 16. Сцена наказания вора. МАЭ. Колл. № 1073-15.

Рис. 17. Корейские рыбаки. МАЭ. Колл. № 1695-29.

Рис. 18. Похороны леди Ом. МАЭ. Колл. № 2513-3.

Рис. 19. Семья знатного корейца. МАЭ. Колл. № 2685-105.

Рис. 20. Дом общества Христианской молодежи в Сеуле. МАЭ. Колл. № И-762-5.

Рис. 21. Ворота Тэдонмун в Пхеньяне. МАЭ. Колл. № И-1518-3.

Рис. 22. Городские жилища в Пхеньяне. МАЭ. Колл. № И-1518-8.

Рис. 23. Одноэтажный дом в пригороде Пхеньяна. МАЭ. Колл. И-1518-17.

Рис. 24. Маска корейского дворянина. МАЭ. Колл. И-1737-4.

Рис. 25. Маска льва. МАЭ. Колл. № И-1737-21.